

УБ

КР. 63.5
Н30

СЕВЕРНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

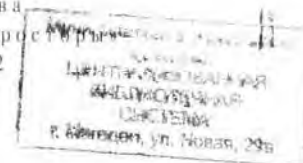
НАРОДЫ

*Крайнего Севера
и Дальнего Востока России
в трудах исследователей
(XX век)*

- 025 17 03

Москва
«Северные просторы»
2002

кутский начальник» захотел проверить его силу. Привезли 70 возов соломы, завалили ею шамана и подожгли. Когда огонь угас, Махунай встал невредимым и страхнул с себя пепел. Одного шамана хантов будто бы спустили в прорубь, завернув в сети: если он «сильный», освободится. Возвратившись домой, участники этой «проверки» нашли шамана сидящим за самоваром. По верованиям вилюйских якутов, знаменитые шаманы, независимо от пола, на тридцатом году жизни становятся беременными и рожают в лесу ворону или гагару, которые тут же улетают. Затем они рожают щуку и еще через год — медведя или волка.

Алтайского шамана Бади, по легендам, враги убивали три раза, а он оживал. Даже смерть не могла утомить иного шамана, и соплеменники по ночам слышали звуки его бубна. Погребения шаманов, часто скрытые в глухом лесу, вызывали суеверный страх. У юкагиров родственники умершего шамана носили при себе его кости как амулет, охраняющий от несчастий. Некоторые шаманы оказались причисленными к миру божеств. Легендарный первый шаман кетов Дох будто бы однажды во время камлания взлетел на небо и остался там навсегда. Алтайцы поклонялись знаменитым предкам-шаманам, изготавливая их символические изображения. Наибольшее развитие культ шаманов получил у бурят, в верованиях которых умершие шаманы причислялись к духам — покровителям местности.

Василевич Глафира Макарьевна (1895–1971) — этнограф, языковед, фольклорист, педагог, специалист по тунусо-манчжурским народам, один из самых ярких представителей ленинградской этнографической школы первой половины XX века.

Родилась в Петербурге, в 1912 г. окончила гимназию, в 1925-м — этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета. Преподавала этно-

графию и тунусские языки на Северном отделении Восточного института, позже — в Институте народов Севера, а также на Северном отделении Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Почти 50 лет проработала в Институте этнографии АН СССР.

Совершила 13 экспедиций на Север, в различные регионы проживания эвенков, изучала диалекты их языка, записывала образцы фольклора, собирала коллекции предметов материальной культуры (хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН).

Г.М. Василевич — автор более 170 публикаций: научных статей и книг, первых учебников эвенкийского языка, сборников фольклора, словарей. Из фольклорных работ наиболее известны «Сборник материалов по эвенкийскому (тунусско-му) фольклору» (1936) и «Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания» (1966); среди словарей — объемные «Русско-эвенкийский словарь» (1948) и «Эвенкийско-русский словарь» (1958), один из лучших словарей по языкам народов Севера. Наиболее значительная этнографическая работа Г.М. Васильевич «Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.)» (1969), фрагменты из которой предлагаем читателям.

РОДЫ И УХОД ЗА НОВОРОЖДЕННЫМ

Многодетность у эвенков считалась счастьем, об этом мечтали молодые супруги, а бездетность — несчастьем. Роженица (*хелбун* ~ *хелбумни*) могла рожать только в отдельном помещении — *хуцкицат* (верхне-ленск.) — в специально построенном чуме, палатке или пологе. Помощницей была обычно старая опытная женщина. Для облегчения родов в этом помещении ставили козлы такой высоты, чтобы стоящая на коленях женщина могла опираться на перекладину под мышками. Дополнительная помощь заключалась в массаже поясницы. Если ребенок шел неправильно, помощница помогала ему руками. Если роды были трудными, прибегали к магическим действиям: развязывали все узлы на стойбище; стреляли из ружья в воздух или старались напугать роженицу, для чего охотник, оббежав палатку, где она рожала, быстро вскакивал в нее (у туруханских эвенков, по сообщению Третьякова, муж срубал дерево и в пень забивал кол); приглашали шамана. Если послед долго не выходил, убивали старую важенку, вынимали неразрезанную брюшину и со всем содержимым вносили в помещение (алд.-учурск.). Роженица садилась на нее и прогревалась, после чего вышедший послед заворачивали в бересту и вешали в тайге на сук или клали на помост, куда позже складывали одежду и вещи роженицы. Если последняя заболела, ей не могла помогать ни женщина, долго болевшая, ни женщина, обижавшая мужа. Олекминские эвенки после благополучных родов закалывали теленка и устраивали угощение. Родившегося в рубашке считали счастливым; рубашку высушивали, зашивали в мешочек и как ладанку пришивали к одежде. Ладанка всегда должна была быть при хозяине, и когда он умирал, ее пришивали к рубашке младшего ребенка или клали в гроб умершему, если не было детей. К родимым пятнам существовало различное отношение: черные пятна на видных местах считали несчастьем, на невидных местах — счастьем; красные пятна считали меткой духа — хозяина верхнего мира. Эти пятна охра-

Традиционная люлька — незаменимая вещь в кочевом быту.

нили человека в течение всей его жизни. Если ребенок рождался с неправильной формой головы или какого-либо члена, старая женщина обычно сразу после рождения легко массировала его, стараясь придать нормальную форму. Двойни (*дюрмичэн*) рождались редко, и их рождение считалось плохим предзнаменованием, так как у них, по представлениям эвенков, была одна душа. От женщины, имеющей двойняшек, нельзя было ничего брать, так как можно было самой родить двойню. Если мать умирала во время родов, то погибал и новорожденный, так как другой женщине кормить ребенка не разрешалось. Амурские эвенки, по материалам С. Широкогова, преждевременно родившегося ребенка оставляли в тайге.

Новорожденного сразу не мыли, а обтирали заячьей шкуркой и заворачивали в чистую, тоже заячью, шкурку, насыпав в ноги труху из гнилого дерева. Мыть начинали с третьего дня жизни. Мать или помощница, сидя у огня, укладывала ребенка на свои вытянутые ноги и обмывала,

поливая его теплой водой. У некоторых эвенков для этого случая хранилось душистое мыло. Мать после родов оставалась в родильном шалаше 3–7 дней (в зависимости от состава семьи и сезона). Если в семье работницы не было, она выходила раньше. Перед выходом она одевалась в чистую одежду и очищалась окуриванием. Все вещи и одежду роженицы складывали в глухой тайге на лабаз, чтобы они не могли быть похищены, так как считали, что похищение их влекло за собой прекращение рождаемости. Когда женщина не рожала и была *ваңгай* (яловая), приглашали шамана. И если после камлания у нее родился ребенок, родители делали шаману дополнительный подарок.

В родословных, собранных автором за 6–12 поколений от разных групп эвенков, записано немало многодетных семей. В отдельных случаях выживали все дети, но в большинстве в среднем выживала половина*.

В первое одеяние — одеяльце — завертывали на 6–7-й день; несколько позже шили рубашку. Примерно в это время отец делал новую деревянную колыбель, если в хозяйстве не сохранилось старой (от других детей). Некоторые шили колыбель из бересты и обшивали ее ровдугой. В новой колыбели, прежде чем положить ребенка, держали в течение трех дней молоток и нож, чтобы мальчик был хорошим охотником; иногда в нее ненадолго клали щенка или птичку, чтобы ребенок не болел. Снаружи к головной и боковым частям, а также под изголовьем подвешивали разного рода подвески с магической целью: передние нижние зубы копытных животных, чтобы был хорошим охотником; зубы медведя, лисиц, белок, горностая, чтобы легко лазил по горам и побеждал врагов, как медведь; два изображения людей, чтобы заменять душу ребенка, когда та во время сна выходила путешествовать, охранять и успокаивать его; изображения птички (*чиноко*), жабы и лягушки, чтобы

* Например: у Сичогира Петра из ербогоченской группы было 18 человек детей (5 девочек и 13 мальчиков); у Хирогира Дмитрия с Неконды из илимпийской группы — 20 детей, из них умерло 5; у алгоминского Еремея Наумова-Бута с Алгомы из верхнеалданской группы — 16 детей, все дали второе поколение, и т. д.

они предохраняли от расстройства желудка (хинганские эвенки, кроме того, добавляли мешочки с волосами старших детей); изображение кукушки из ровдуги, чтобы способствовало росту ребенка; монеты и кружки, подвешенные под изголовьем, обозначавшие будущие деньги; наперсток и кусочки тряпок (у девочек), чтобы дочка была хорошей рукодельницей, лучок со стрелами (у мальчиков), чтобы сын был хорошим стрелком. Под изголовье клали маленькое изображение человека, одетого в шаманский плащ, для охранения от духов враждебных шаманов. Все подвески при движении колыбели брякали и усыпляли ребенка. Когда он расставался с колыбелью, эти подвески пришивали ему на пояс и спинку кафтанчика.

Для охраны здоровья ребенка существовал ряд оберегов. Так, чтобы прекратить болезнь (обмануть духа болезни), болящему временно давали страшное имя, неприятное для духа (чаще названия земноводных и насекомых). Ребенку не позволяли совать в рот челюсть оленя, чтобы не болели зубы, плевать в огонь, чтобы не болел язык, бросать в огонь шишки и бересту, чтобы не простудиться, мочиться около огня, чтобы не страдать недержанием, есть околосердечную сумку, чтобы не заболело сердце, есть позвонки и филеи между поясницей и крестцом и т. д. Детей не считали, чтобы не отбить у них память. Им не давали есть мясо (мышцы) с ног, чтобы не были драчунами. Следили, чтобы ребенок не бегал в одной унте и не падал на спину, что считалось признаком раннего сиротства, чтобы не надевал две шапки, что было признаком двоеженства.

Уход за новорожденным сводился к кормлению его грудью, редкому мытью и смене трухи в ногах. Чтобы ребенок не плакал, ему в рот вкладывали копчик сырого оленьего языка, сквозь который продевалась палочка. Грудью мать кормила ребенка, когда он начинал плакать. Кормление продолжалось до 4–5 лет. Часто во время кормления к матери подходил ходячий ребенок и тянулся ко второй груди. После 6 месяцев начинали прикармливать сладким чаем с оленьим молоком.

ИМЯ

Имя играло особую роль в жизни эвенка. Его должен был иметь каждый человек*.

Имя было индивидуальным. Без него человек не мог существовать. Если имя было важно в общении с чужими, то в общении между собой ряду лиц было запрещено называть некоторых из своих близких по имени. У некоторых групп мать, обращаясь к детям, называла их *нэкукэ* (малыш), *омолли* (парень), *хунат* (девушка).

Для образования собственных имен в языке существовали определенные суффиксы. Наиболее распространенными для образования мужских имен были суффиксы *-вул* ~ *-ул*, *-ча*, *-га*, *-ни*, *-най*, *-ту*, *-лту*. Для образования женских имен к слову добавляли суффикс *-CV + k*. Имена с этими суффиксами прослеживаются на протяжении XVII–XX вв.**.

Наличие таких имен у соседей указывает на тесные связи с ними. Когда набиралось достаточно наблюдений за тем, что вокруг происходило во время рождения младенца, и выяснялись его личные особенности, старшие (дед, бабушка, дядя) выбирали одно из названий и из него при помощи суффикса образовывали имя. Имена обычно старались не повторять, и только у отдельных групп

* Приведем примеры имен, записанных автором в 20-х годах нашего века. Мужские: Черонча, Мучанча, Кэлкэнчэ, Лопкончо, Буруча, Тырганча (Нижняя и Подкаменная Тунгуски); Сувэнчэ, Гелбурча, Арбунча (р. Сым); Китча, Кулча (р. Алдан); Хуклига, Хулуга (р. Сым); Бороно, Чуно, Дюрун э (Подкаменная Тунгуска); Капчеул, Гевул, Бэркэвул (Подкаменная Тунгуска); Лурдявул, Хубдявул, Ництывул, Эргэни, Орани (р. Сым); Мэнулту (р. Олекма). Женские: Либгэрик, Иманнак, Лутэк, Тыргак, Ненгек и др. Кроме этих на востоке встречались и другие, например: мужские — Кудырэй, Кунатуй, Култуй, Кулчэй, Агадай, Камбо, Боко, Эндэ; женские — Антай, Нирай, Тэңэй, Гетчан, Китчан, Неңчэн, Напты, Белча, Чепя.

** В ранних исторических сказаниях к имени обращаются как к живому человеку, его украшают эпитетами. Имя имело настолько большое значение, что в сказаниях превратилось в слова музыкальной строки, дающей ритм для «арии» героя. Имя в ряде случаев превращалось в название нового рода.

очень редко давали ребенку имя умершего, но всеми почитаемого родственника. Таким образом, имя ребенка в большинстве случаев являлось новым словом. Например: *Каёча* — имя мальчика, родившегося у оз. Каё; *Гарпанча* — имя мальчика, родившегося в момент восхода солнца (*гарпан* — «луч»); *Либгэрик* — имя девочки, во время рождения которой шел первый мокрый снег (*либ-гэ*). Имя могли давать исходя из черт характера новорожденного. Например: *Бэркэчэ* или *Бэркэвул* (бойкий) — имя мальчика, данное ему потому, что он сильно двигал руками и ногами; *Соңочо* — имя мальчика-плаксы, *Соңоёк* ~ *Соңолик* (букв. «плакса») — имя девочки; *Тыкулча* — имя мальчика, имевшего сердитый вид, и т.д. Меняли имя в тех случаях, когда ребенок болел. Это имя после выздоровления во взрослом состоянии обычно заменялось другим. Случаи смены имени были нечастыми*.

Наряду со своими — эвенкийскими — именами у эвенков были и русские имена, входившие в их среду с началом христианизации. Русские имена, соответственно по-эвенкийски переогласованные, вошли в эвенкийский язык и считались отличными от тех же самых русских имен.

Эвенкийские	Русские	Эвенкийские	Русские
Ладе	Владимир	Арапэ, Катэ	Екатерина
Лэке	Иннокентий	Лекса, Улекса	Александра
Гилгэ	Григорий	Олка	Ольга
Испэн	Степан	Балба	Варвара
Бахэ	Василий	Огдо, Дэбдэкэ	Евдокия
Костоку	Константин	Анис	Анна
Мукус	Михаил	Мола	Меланья
Нукус	Николай	Вера	Вера
Гаврис	Гавриил		

* Эти-то случаи в советский период и дали толчок пренебрежительному отношению интеллигенции к своим именам как к своего рода кличкам, что привело к их постепенному исчезновению в разных районах тайги к 50-м годам нашего столетия (XX в. — Ред.).

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Детей после года начинали прикармливать лепешками из белой муки, сушками (во время обмена пушнины), давали кусочки вареного мяса, рыбы и поили чаем. Если отец приносил с охоты только одну птицу (рябчика, утку, тетерева), ее варили специально для детей. Если оленьего молока было мало, оно шло на питание детям; его мешали с кусочками лепешек или хлеба (зимой) и с ягодами (летом). Среди оленных эвенков (*орочен*) в качестве детского питания было широко распространено кипяченое особым способом молоко: посуду с молоком ставили в кипящую воду и доводили молоко до кипения, помешивая ложкой; оно постепенно густело, превращаясь в творог. Эту массу обливали сбитым молоком. Дети с 2–3 лет ели ту же еду, что и взрослые. Лакомством для детей любого возраста был костный мозг только что убитого зверя. Из любви к детям родители всегда давали им попробовать то, что нравилось взрослым. Поэтому у многих эвенков дети начинали курить уже с 5–6 лет. До года дети спали три раза в день. Начавшие ходить спали один раз. Если мать не успевала уложить их в колыбель, они засыпали в определенное время там, где играли. Начиная ходить детей оберегали от падения в очаг; продев за шею и под мышками поводок, привязывали обоими концами к жердям чума. Во время кочевки маленьких детей перевозили в колыбелях, а ходивших — в седлах с высокими луками и привязанными к ним боковыми дощечками. У эвенков-кумарчен во время кочевки мать вела по берегу караван, а отец вез детей в лодке вдоль берега. Еще в XVIII в. дети летом ходили голыми, но в XIX в., когда завозная ткань вошла в быт, им стали шить рубашки и платья. Чтобы ходячие дети не мочили одежды, им шили расширенные сверху унты, верхним и передним краем пришитые к пояску, и короткую рубашку. В дождливые дни летом и ранней осенью дети обычно бегали босиком. Зимой во время кочевки детей одевали в меховую одежду с зашитыми внизу рукавами и пришитым к вороту капором и в высокие меховые унты, которые надевали поверх коротких. Дети с 6–7 лет носили одежду по образу взрослых, но со всеми подвесками на спине, пере-

несенными с колыбели*. Волосы до 2 лет не подстригали и до 3 лет не мыли. Состриженные волосы хранили. Кумарские эвенки, предварительно намочив волосы в воде с золой, стригли их в определенном порядке.

Матери часто ласкали своих детей, обнюхивая. Говорили с ними обычно спокойным тоном. Резкие крики со стороны родителей, а тем более шлепки были редкими. Поэтому дети эвенков сравнительно мало плакали. В разговорах с подрастающими детьми родители держались так же, как со взрослыми.

С 3–4 лет дети начинали помогать родителям, подавая или убирая ту или иную вещь. С 6–7 лет они ходили с котелком за водой, вносили в чум наколотые дрова. Родители во время мелкой работы рассказывали им сказки, загадывали загадки, сообщали о жизни разных зверей, о тайге, охоте и других сторонах бродячего образа жизни. К охоте приучали постепенно. 6–7-летним мальчикам делали маленький лук и стрелы для охоты на бурундуков и белок вокруг чума. Мальчиков постарше отцы и братья брали с собой на охоту и рыбалку. С 11–12 лет мальчики получали ружье для охоты на пушного зверя. В этом возрасте они уже умели бить острой рыбой. С 17–18 лет начинали охотиться на крупного мясного зверя, осваивали установку пестель. Девочки с детства приучались шить и вышивать, но выделывать шкуры мать давала только подросткам, имевшим силу в руках.

Детям, начавшим говорить, делали игрушки. У сымских и селемджинских эвенков это были ветки в виде оленей, деревяшки или кости плюсны (бабки), изображавшие животных (без одежды) и людей (в одежде). Для таких кукол делали маленькие колыбели. Зее-алданские эвенки из дерева вырубали маленьких оленей без рогов, из бересты вырезали оленей в движении или только оленьи головы. По размерам и общему облику дети различали быков-порозов, бычков, важенков и телят. Чаще всего дети дошкольного возраста играли в подражательные игры. Зимой они играли в чуме, летом — около него или в игрушечном чуме.

* У баргузинских эвенков мать при этом говорила: «Теперь у тебя на спинке *ланя*, покорми его хорошенько и относись с почтением» (Широкотуров).

Автором записаны следующие игры детей и подростков. *Мата эмэрэн* (букв. гость приехал): дети устраивали из щепочек костер, вокруг расставляли «людей» (бабки); несколько детей, сидящих вокруг кукол, разговаривали с воображаемым гостем, подражая взрослым; иногда играл и один ребенок, разговаривая сам с собой на разные голоса. *Уринчэдерэ* (букв. устраивают стойбище): дети расставляли «караван оленей» (в разных местах вокруг площадки — отдельные фигурки этих животных, около каравана и на площадке — «людей») и вели разговор и перебранку при воображаемой разгрузке каравана и установке чума. *Нуликтэдерэ* (букв. кочуют): дети устанавливали «караван», а вокруг, между деревьями, — «олений» и, подражая взрослым во время кочевки, вели разговор, окрикивали оленей. *Бэюктэдерэ* (букв. охотятся): в лесу на площадке с воткнутыми в землю ветками дети расставляли «диких зверей» (бабки) и «охотников» (бабки, обмотанные тканью), переговариваясь между собой и окрикивая собак, мальчики стреляли из игрушечных луков. *Дюдудар* (букв. «в чуме»): эта игра отражала разные моменты жизни в чуме. Среди оленных групп любимой подражательной игрой была *орорду* (букв. «в стаде»). Мальчики и девочки расставляли оленей из бересты или раскладывали на земле берестяные головы оленей разного возраста. Каждый олень имел свою клычку, а дети разговаривали, представляя себя пастухами. *Шамалдирэн* (букв. «он шаманит») или *шунчэкэл* (букв. «пошамань»): эта игра была распространена на стойбищах, где имелся шаман. Для нее кто-либо из взрослых делал детям маленький бубен и колотушку и давал платок, который «шаман» набрасывал на голову и спускал на лицо. Дети садились в кружок, и один из них, «помощник», делал вид, что греет бубен, затем передавал его другому — «шаману». Последний пел, сидевшие в кружке подпевали. Иногда заранее приготавливали изображения духов-помощников и духов-предков и расставляли их вокруг перед началом игры.

Дети школьного возраста, уже принимавшие некоторое участие в хозяйственной жизни, играли преимущественно в подвижные игры: *баликат* — игра в жмурки; *дэйикэт* (токм., подк.-тунг.), *туксавки*, *далундявки* (олекм.) — игра в пятнашки; *чукчэкэт* (токм.), *коңылкат*, *чаңиткат* (подк.-тунг.), *амунчикат* (олекм., алд.) — игра в коршуны; *хэкуке-иңиңике* — «жарко-холодно» — игра в поиски предмета; *кируткан*, *даярукан* (олекм.), *хэрэлибшун* (сымск.) — игра в

вылавливание предмета. Все садились в круг плотно друг к другу, ноги сгибали в коленях, руками под коленями передавали друг другу палку или платок, стоящий в середине выхватывал предмет, и пойманный с предметом заменял его. *Орокот* — игра в оленей. Дети изображали разного возраста оленей и бегали по тайге; или два мальчика, взяв в руки ветки, «рога», изображали дерущихся пороков до тех пор, пока ветки не ломались. *Мачикат* — игра в мяч. К. Рычков записал у тундровых эвенков игру в волка. Играющие очерчивали два круга и огораживали палочками. Один играющий был волком, остальные — оленями. Волк помещался между кругами, остальные в круге. Когда играющие перебежали из одного круга в другой, волк ловил их и делал вид, что ест оленя. В это время остальные бегали смелее. Игра кончалась переловом всех. Среди подкаменно-тунгусских эвенков кроме указанных была распространена игра в аркан. Аркан (*маут*) растягивали по кругу, брались за него обеими руками, лицом внутрь круга. Водящий выходил на середину. Игра заключалась в том, что стоящие по кругу, перехватывая руками по аркану, бегали то в одну, то в другую сторону. Водящий тоже бегал, стараясь тронуть чью-либо руку. Тот, кого он трогал, выходил из игры. Дети подкаменно-тунгусских эвенков играли в *хавсиду*. Эта игра заключалась в подбрасывании вверх лопаткой «бутылочки» (*луңури*). Деревянная лопатка (*хавсиду*) имела короткую ручку, а *луңури* представляла собой маленькую бутылкообразную деревянную фигурку с пучком подшейного волоса, вклеенного в горлышко. Выигрывал подбросивший большее количество раз. У ербогоченских эвенков эта игра называлась *паксиду*. *Луңури* у них заменял мяч, набитый волосом. У них же была игра *килаккаткат*, заключающаяся в загоне в ямку деревянного мяча лопаткой (*килакавуи*) с длинной ручкой. Выигрывал загнавший большее число раз. Кроме названных у них были распространены и другие игры. Стрельба тупыми стрелами из лука в ледяную стену толщиной около 2 м, высотой до 1 м. Пробивший насквозь считался выигравшим. Стрельба в шест — для игры выбирали ровную площадку на снегу, делали ямку и в 50–80 шагах от нее вбивали кол, по очереди тупыми стрелами стреляли в шест. Стрельба в обруч или шар — посередине чистой площадки проводили черту, в конце ее становился судья с обручем из тальника. По команде он бросал обруч вдоль черты. Играющие должны

были попасть в катящийся обруч. Выигрывал тот, чьих стрел больше попало в обруч. И. Суворов записал у илимпийских эвенков вариант игры в *маут* на большой поляне. Два человека брались за концы маута и бежали, стараясь окружить бегущих по площадке. Попавшие сменяли водящих. Для развития ловкости и выносливости мальчики и девочки бегали наперегонки с грузом и без груза, состязаясь, прыгали в длину на одной ноге и на сдвинутых ногах и в высоту через веревку с отталкиванием от земли палкой или с высоты вниз, ходили на носках и на пятках с приседанием.

К играм подростков и взрослых (до брака) относилась *кунэли* (сымск.), *лэйэйкэчивкэ* (илимп.). Молодежь делилась на две группы (мужчин и женщин). Каждая стояла у своего дерева (мать мужчин и мать женщин). Затем подбрасывали маленькую палку (*кунэливуи*). Группа, поймавшая ее, начинала игру. Все участники этой группы подбегали к дереву второй группы и палкой старались его поцарапать, первые не давали и старались выбить палку из рук. Когда она падала, ее брал кто-нибудь из второй группы, и игра продолжалась. Игра в ямки и мяч была распространена к северу и к югу от Нижней Тунгуски. Для игры выбирали чистую и ровную площадку, которую делили чертой на две части. Играющие образовывали две группы. Деревянный мяч (зимой — ледяной шар) клали на черту. Обе группы с палками стояли у черты. По команде каждая группа старалась палкой загнать мяч (шар) на чужой участок. Судья считал очки загнавшей группы. После набора 10 очков игра прекращалась. Рычков записал вариант этой игры. На земле делали черту, и каждая партия старалась ногами затолкнуть мяч за территорию противника. Он же записал у тундровых эвенков игру в озеро и черта (*хари*). Играющие огораживали палочками два круга — «озера». Один из играющих валил на землю мальчика, изображающего черта, и сам убегал на озеро. Все перебежали с одного озера на другое. Черт бегал за ними и вылавливал кого-нибудь. Бросал пойманного на землю и делал вид, что высасывает кровь из головы. Пойманный закрывал глаза и притворялся мертвым. После этого он становился товарищем черта и помогал ему ловить остальных. Игра продолжалась до тех пор, пока не вылавливали лучшего из игроков.

Вдовин Иннокентий Степанович (1907–1996) — этнограф-сибиревед, специалист по этнографии чукчей, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

Родился в Иркутской губернии в семье служащего. Окончив вечернюю школу в Иркутске, работал чернорабочим на железнодорожной станции, в 1926–1927 гг. — учителем и заведующим школой в Совиаванском районе Дальневосточного края, затем

учителем начальной школы в Каранском районе на Камчатке. Живя среди коряков, овладел их языком, познакомился с бытом, культурой, традициями.

В 1930 г. командирован в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена на Северное отделение. Под руководством В.Г. Богораза быстро осваивает чукотский язык, участвует вместе со своим педагогом в создании чукотского букваря «Красная грамота» (1932). Для прохождения языковой и этнографической практики едет в Чаунский район Чукотки. Две зимы, с 1932 по 1934 г., проводит в стойбище оленеводов, где организует кочевую школу. Он проехал на собаках от залива Св. Лаврентия по побережью Ледовитого океана до Чаунской губы — через населенные пункты оседлых чукчей.

Летом 1934 г., возвратившись в Ленинград, переходит на Северное отделение Института философии, литературы и истории, где специализируется по чукотскому и корякскому языкам. Студентом редактирует в Учпедгизе учебники и литературу на языках народов Севера. Еще аспирантом публикует первую научную статью — предисловие ко второй части монографии В.Г. Богораза «Чукчи» (1939).

Кандидатскую диссертацию «История русско-чукотских отношений до XX в.» защищает в блокадном Ленинграде в декабре 1941 г. В Иркутске, куда был эвакуирован, И.С. Вдовин работает директором педучилища в с. Боханы. Возвратившись в Ленинград, преподает на кафедре этнографии Восточного факультета, с осени 1949 г. — на кафедре истории и этнографии факультета народов Севера Ленинградского университета.

С 1946 г. работает в Институте языка и мышления (позже — Институт языкознания АН СССР), публикует монографию